

— Ты что несёшь, паршивец? Чтобы руководство тебе жену искало? — Жэнь Ди аж ушам своим не поверил.

— График ненормированный, в праздники вечно на дежурстве, за весь год ни одного шанса познакомиться с приличной девушкой. Ещё немного, и запишут в старые холостяки! Родители уже с ума сходят, — у Гуань Хаобиня аргументы нашлись железные. Раз уж он пахал как проклятый и вошёл в самый подходящий возраст, то оставаться бобылём было чистой воды неуважением к предкам. Разве начальство не должно во имя всеобщего согласия подыскать ему пару?

— Ах ты щенок! Мы тут за дорогами, машинами да движением следим. С какой стати я должен ещё и ваши свадьбы устраивать? Совсем от недосыпа крыша поехала, девку ему подавай! — Жэнь Ди и злился, и смеялся одновременно.

— И какая же тебе по душе? Давай пригляжу кого-нибудь, — с мягкой улыбкой отозвался Лю Дабао.

— Ну надо же! Этот оболтус мелет чёрт-те что, а ты и рад поддакивать, — Жэнь Ди покатился со смеху, глядя на серьёзную мину своего инструктора.

— А как иначе? Когда у сотрудника в голове порядок, то и служба ладится. Женидьба — дело серьёзное, тут и личное счастье, и престиж всей нашей бригады на кону. Если парень будет на дежурстве о бабах думать, беды не миновать, — Дабао, похоже, шутить и не думал. — Ну, выкладывай, о какой мечтаешь?

— Чтоб была нежная, покладистая, родителей уважала, собой хороша, высокая, стройная, коса до пояса и с высшим образованием, — без тени улыбки перечислил Хаобинь.

— Паразит малолетний! Будь на свете такая идеальная барышня, я бы сам жену сменил! — Жэнь Ди шутливо замахнулся для острстки. — Говори приземлённо. На кого из наших девчонок она должна быть похожа?

— В бригаде ловить некого, даже сравнить не с кем. Да и вообще, это мамины требования, а я послушный сын, — заважничал парень.

— Я же говорю — просто зубы нам заговаривает! Праздники только кончились, а он уже над начальством измывается! — Жэнь Ди потерял терпение, схватил со стола папку с бумагами и несильно съездил подчинённому по затылку. — Тебе жену выбираем или твоей мамаше? А ну брысь отсюда, марш на дежурство!

— И ничего не брысь! Руководство обязано устроить мою личную жизнь, иначе я пойду жаловаться в Муниципальный отряд полиции! — упрямо бросил Хаобинь, уже шагая к выходу.

— Да хоть самому министру пиши, бестолочь! — Жэнь Ди скомкал бумажку и запустил её точнёхонько в затылок уходящему парню.

— У мелкого, видать, гормоны через край плещут, — хмыкнул Жэнь Ди, поворачиваясь к коллеге. — Заявился тут, уши греет... Раньше за ним такой дури не водилось, скромный был мальчик. А тут прямо бес попутал. Чувствую, наплачемся мы с ними в этом году, старина Лю.

— Слушай, а может, и правда уберечь молодёжь от греха? Устроим как-нибудь совместный вечер с какой-нибудь дружественной конторой, разом всех наших холостяков и пристроим, — рассудил инструктор.

— Ты смотри-ка, целый политрук, а туда же — в свахи метишь! — рассмеялся командир. — Ладно, поспрашиваю у своей благоверной, может, у неё в ведомстве найдутся свободные девицы.

В обед Гуань Хаобинь вернулся домой. Стоило ему приоткрыть дверь и приняться за шнурки, как из гостиной раздался зычный голос отца:

— Ну что, Хао-эр, прославился сегодня на весь город?

— Да ну, папа, президент меня на ковёр не вызывал, какая уж тут слава, — усмехнулся парень.

— Ишь ты, значит, Жэнь Ди — парень не промах, не стал трезвонить направо и налево.

— Да о чём ты вообще говоришь? Говори прямо, не наводи тень на плетень.

— Командир твой звонил. Жаловался, что ты его к стенке припёр — требуешь, чтобы он тебе бабу сосватал. Было дело? — Гуань Цзюньсун шутливо взъерошил сыну волосы.

— Вот же трепло... Уже успел настучать, — буркнул Хаобинь себе под нос.

— Оболтус ты этакий. Разве можно к начальству с подобным соваться? Мы с матерью тебя под венец силком не тащим.

— Под Новый год под горячую руку жаловаться — самое милое дело, за это не огребёшь. Зато начальство теперь в курсе: как только найду кого, сразу буду отпрашиваться со службы на свидания, и пусть попробует не отпустить! — хитро прищурился Хаобинь.

Тан Лань, выносившая из кухни дымящиеся тарелки, ласково улыбнулась:

— Скажи мне честно, Бинь-бинь, неужели тебе так сильно припёрло жениться?

— Вовсе нет! Вы же сами мне плешь проели, — недовольно надул губы сын.

— Ну, мы с отцом просто напоминали, что пора бы уже остепениться, но никто тебя не неволил. Да и молод ты ещё, если так рано женишься да съедешь, у меня же сердце изнывать будет, — вздохнула мать. — Человеческая душа — потёмки. Пока ты ходишь один — извожусь я вся, да тут ещё тётки твои масло в огонь подливают: «Когда невесту приведёт, когда внуки?» Думаешь: хоть бы завтра женился! А как представишь, что сыночек мой родной будет к чужой девчонке ластиться — так сразу ревность берёт.

— Ну и отлично, тогда вообще жениться не буду. Буду всю жизнь у вас на шее сидеть, — рассмеялся Хаобинь.

— Глупости не говори. Что за радость молодому парню с двумя стариками куковать? — Тан Лань вытерла руки о фартук, забрала у сына форменную куртку и легонько ущипнула его за щёку. — Ладно уж, делай как знаешь. Захочешь — ищи девчонку, не захочешь — живи так, мы с отцом больше ни слова не скажем. Ну их, этих соседей. Кто-то внуков по паркам выгуливает, а кто-то со снохой каждый день лается так, что в петлю лезть охота. Мы ни на кого равняться не будем. Главное, чтобы наш драгоценный Бинь-бинь был счастлив.

— Какая же у меня мама золотая и понимающая! — Хаобинь дурашливо обнял Тан Лань за плечи.

Гуань Цзюньсун посмотрел на эти нежности и с притворной суровостью проворчал:

— Паршивец мелкий. Из-за твоего шутовства у меня теперь репутация подмочена. Твоё начальство небось думает, что у Старины Гуаня сын умом тронулся на почве баб, раз среди бела дня невест требует!

Семья Лю Сымяня вернулась из родной деревни на шестой день нового года. Привезли они прорву деревенских гостинцев: сушёные грибы, дикую папоротниковую зелень, вяленую кабанину и даже парочку живых упитанных кроликов. Лю Сымянь, ведомый какими-то своими мыслями, знатно оделил не только Тан Шаочуаня, но и Гуань Хаобиня. Сказал, дескать, дедушка лично велел передать «Гендиректору Гуаню» на пробу, да звал в гости в их лесные края при первой возможности. Гуань Цзюньсун так и расплылся в улыбке от такого внимания, а вот Тан Лань немного засмушалась — негоже почтенным людям вот так просто чужие подарки принимать.

Когда Сымянь вместе с Тан Шаочуанем заглянул в гости к Гуаням, Хаобинь как раз отдыхал дома. Он протянул молодому офицеру изящную резную шкатулку из тёмного дерева.

— Держи, братец Гуань. Небольшой сувенир от старшего брата.

Гуань Хаобинь нерешительно принял подарок. Шкатулка один в один походила на футляр для ювелирного ожерелья.

«Он что, мне предложение делает?»

В следующий миг парень мысленно обозвал себя полным придурком. Что за чушь лезет в голову?

— Да пустяк, безделица, — улыбнулся Сымянь. — Дикий сбор из наших гор, отличное тонизирующее средство. Лёгкие очищает, мокроту выводит. Ты же целыми днями на перекрёстках стоишь, выхлопными газами дышишь, так что заваривай вместо чая — всю гадость из организма выведет.

— Спасибо, брат Лю. Прямо неловко даже — вы ко мне с таким вниманием, а мне и ответить нечем.

— Ну какое там! Я же старший брат, к тому же денег за это никто не платил. Мой дядя в горах собирает, а я просто выпросил у него горсть для тебя, делов-то, — отмахнулся Сымянь.

Время как раз близилось к обеду, так что хозяева радушно пригласили гостей к столу. Лю Сымянь ломаться не стал и сразу согласился. Гуань Цзюньсун, давно отойдя от дел компании, редко находил повод пригубить рюмочку-другую, а тут случай выдался идеальный. Он тут же велел супруге достать из закровов коллекционный алкоголь. Тосты сменялись один за другим, беседа текла рекой, и вскоре хозяин дома вместе с Тан Шаочуанем и Сымянем изрядно захмелели.

Гуань Хаобинь, привыкший цедить молоко да соки, глядел на их хмельное веселье с лёгкой завистью. Сладкий напиток в его стакане вдруг показался совершенно безвкусным, и парню до смерти захотелось тоже опрокинуть стопку. Он перевёл взгляд на Сымяня — тот держался уверенно, говорил ярко, а в глазах плясали весёлые искорки. Сердце Хаобиня вдруг предательски зачастило. Чем дольше он всматривался в эти мужественные черты, тем сильнее крепло ощущение: с этим человеком тепло и безопасно, на него действительно можно положиться. Парень сам не заметил, как принялся украдкой разглядывать Сымяня.

— И что, начальник отдела Лю действительно решил вернуться к корням, в глушь? — с лёгким недоумением спросил Цзюньсун у Сымяня.

— Да, почти все вещи уже перевезли, — кивнул Сымянь. — Отец ведь давно на спокойной должности, на работе делать особо нечего. В мае закончит оформлять пенсию и сразу уедет насовсем.

— И тётушка Ма с ним? — уточнил Шаочуань.

— А то как же. Бросают меня одного в городе на произвол судьбы, — усмехнулся Сымянь.

— И как ей там, в деревне? Привыкнет после города?

— Моя матушка везде приживётся, у неё закалка железная. И закусочную держала, и завтраками торговала, и фруктами на рынке. Сейчас вот магазин постельного белья открыла — за что ни возьмётся, всё горит в руках. Да и в деревне сейчас благодать: воздух чистый, магазинов полно, купить можно всё, что душеньке угодно. К тому же там родственники — тётушки, невестки всякие, они и так постоянно общаются. Так что мама сама туда рвётся, ждёт не дожётся, когда сможет днями напролёт с кумушками судачить.

— Счастливый человек твой отец, завидую ему белой завистью, — вздохнул Гуань Цзюньсун. — Первую половину жизни честно отдал госслужбе, прославил род, а теперь будет на покое в деревне жить в своё удовольствие, без забот и хлопот. Не то что мы, промышленники. Чтобы семью прокормить, перед каждым мелким чиновником спину гнуть приходится, с утра до ночи в мыле, а уважения никакого. В банке кредит попросишь — смотрят как на вошь тифозную. А как только дело в гору пойдёт, государство тут как тут — явится резать твою дойную корову: то налоги сдерут, то штрафами обложат. Сплошная головная боль. Сяо Лю у нас на заводе уже освоился, небось сам видит, каково оно. Я потому и дела Шаочуаню передал пораньше, чтобы этот ад на себе не тащить.

— Вы правы, это наша вечная беда, — согласился Сымянь. — Государство всегда благоволит госсектору, а частных за людей не считает. Госпредприятия гребут ресурсы лопатой, а если прогорят — им из бюджета миллиарды подкинут. Частный же бизнес выживает вопреки всему, продираясь сквозь дебри идиотских ограничений. То, что вы, дядя Гуань, и Гендиректор Тан сумели не просто устоять на ногах, но и поднять такое дело — настоящее чудо. Я на заводе за эти месяцы многому научился.

— Какое там чудо, — скромно улыбнулся Тан Шаочуань, поймав одобрительный взгляд дяди. — Моей заслуги тут мало. Дядя построил крепкую империю, а я просто пришёл на всё готовое.

— Завоевать мир легко, удержать его трудно. «Горный Ветер» под твоим началом процветает, так что не скромничай, — веско произнёс Цзюньсун.

— Я лишь следую проторенной дорогой. Твоё главное правило — не раздувать штат бездумно и не влезать в кабальные банковские долги — для меня закон, — Шаочуань помрачнел. — Страна сейчас будто в лихорадке. Грезят красивыми цифрами на бумаге, раздувают финансовые пузыри. Виртуальная экономика растёт как на дрожжах, а реальное производство чахнет. Тяжело нынче тем, кто руками что-то создаёт.

— Вот именно! Пустышка сожрала настоящее дело, — с горечью подтвердил Цзюньсун.

— И ладно бы только у нас, по всему миру та же картина, — заговорил Сымянь, увлечённо жестикулируя. — Мировой рынок облигаций разросся до невероятных масштабов, акции переоценены в разы, а уж про эти безумные деривативы и говорить нечего. Вся эта виртуальная лавина капитала крутится сама по себе, она во много раз превышает реальный сектор! А прибыль от настоящего производства на этом фоне кажется просто ничтожной. Но ведь этот пузырь не может надуваться вечно. Рано или поздно грянет гром, и тогда под откос полетят целые государства.

— Неужели всё настолько запущено? — подал голос Хаобинь, до этого молча сидевший за столом.

— Ещё как, — серьёзно посмотрел на него Сымянь. — Когда эта лавина сойдёт, банкротством отдельного завода дело не кончится. Рушиться будут экономики целых стран.

— Эх, да что наши слова... — Цзюньсун потянулся со своей рюмкой к Сымяню. — Хотя бы и рады помочь родине, да кто нас слушать станет? Остаётся только возделывать свой крохотный клочок земли и не высовываться.

— Ну тут вы не правы, дядя Гуань. Наша страна держится как раз на таких людях, как вы с Гендиректором Таном. Честный бизнес, рабочие места, налоги без утайки, забота об экологии и сотрудниках — разве это не служба отечеству? Если бы каждый предприниматель вёл дела так же ответственно, как вы на «Горном Ветре», мы бы давно горя не знали.

Сымянь говорил гладко, со знанием дела, и за праздничным столом его слова звучали чертовски убедительно.

Поначалу Хаобинь считал Сымяня типичным твердолобым вышибалой с кулаками вместо мозгов. Но время шло, и парень мало-помалу разглядел в нём совсем другого человека — надёжного, открытого, способного постоять за своих. А уж когда этот великан заговорил о макроэкономике, у Хаобиня в глазах натурально зажглись восторженные искорки. Он ловил себя на том, что любит Сымяню всё чаще. Сердце предательски сжималось при каждой встрече. Парень прекрасно понимал, что его влечение выходит за рамки нормального, порой пугался этих мыслей, но сделать с собой ничего не мог — чувства захлёстывали с головой.

С тех пор Хаобинь караулил любую свободную минуту, чтобы заскочить на «Горный Ветер». Перед кузеном он отшучивался, мол, пришёл с инспекцией от батюшки — проверить, хорошо ли работает производство, но на самом деле просто искал повод побыть рядом с Сымянем. А уж когда тот вместе с Тан Шаочуанем отправлялся размяться в фитнес-клуб «Душа Дракона», Хаобинь готов был умолять коллег поменяться дежурствами, лишь бы посидеть на трибуне и поглазеть на тренировки.

Самое забавное, что суровый и до крайности педантичный на работе Сымянь при появлении молодого полицейского мгновенно преображался. Вся его хвалёная продуктивность куда-то

улетучивалась: он то и дело отвлекался, сыпал шутками-прибаутками и явно лез из кожи вон, лишь бы рассмешить гостя. В его голосе сквозила такая неприкрытая нежность и забота, что Тан Шаочуань с его родственной опекой порой казался на этом фоне образцом холодности.

Разумеется, Сымянь тоже не был слепым. Со временем он начал замечать за собой странности. Его отношение к Хаобиню явно выходило за рамки обычной мужской дружбы. Всё началось ещё с первой встречи: парень сразу ему приглянулся, вызвал какое-то щемящее чувство жалости и желания защитить. Когда Сымянь случайно задел его ногой во время спарринга, у него самого сердце кровью обливалось от жалости. Хаобинь мог язвить, подкалывать его, а он лишь глуповато улыбался, ловя каждое слово. Теперь же, когда парень сам прибегал поболтать, Сымянь чувствовал себя окрылённым, готовым горы свернуть.

Проанализировав свои ощущения и перелопатив кучу специфических статей в интернете, Сымянь пришёл к поистине шокирующему выводу. Он «сломался». Оказался из тех самых... «неправильных» мужчин. В его суровой, воспитанной на традиционных ценностях голове это укладывалось с трудом.

«Боже, да я же болен! Неизлечимо болен! Извращенец несчастный, нахватался западной заразы... И что теперь делать? В полицию идти сдаваться? Да только какая статья уголовного кодекса карает за то, что тебе нравится парень? Никакая»

Осознание собственной сути выбило обычно весёлого и прямодушного Сымяня из колеи. Он погрузился в глухую тоску, извёлся весь, места себе не находил. Понимал, что катится по наклонной, но свернуть не мог, да и, если честно, не очень-то и хотелось. Сначала он пытался включить режим ледяного безразличия — думал, перемелется, пройдёт само. Куда там! Стоило Хаобиню появиться на пороге, как вся напускная холодность испарялась, а внутри вспыхивало такое пламя, что кровь закипала в жилах. Какой уж тут холодный рассудок!

«Ладно, — решил наконец Сымянь. — Надо признаваться родителям. Пока они ещё полны сил и здоровья. Если дотяну до момента, когда у них разовьётся гипертония или ещё какой недуг, мой запоздалый каминг-аут точно сведёт их в могилу. Не хватало ещё прослыть убийцей родителей»

Ближе к вечеру Ма Сухуа и заглянувший от нечего делать провести жену Лю Гопин занимались инвентаризацией в магазине. Вдруг в дверях бесшумной тенью возник их сын.

— О, А-Мянь? — удивилась мать, не отрываясь от тетради. — Ты сегодня не допоздна? Как раз вовремя. Мы тут с отцом товар пересчитываем, проголодались страшно. Иди-ка на кухню, приготовь чего-нибудь перекусить.

Сымянь медленно покачал головой. На его лице застыла такая вселенская скорбь, что у родителей похолодело внутри.

— Мама, — глухо произнёс он. — У меня неизлечимая болезнь.

<http://bllate.org/book/18980/1950514>